

**University of
Zurich**^{UZH}

**Zurich Open Repository and
Archive**

University of Zurich
University Library
Strickhofstrasse 39
CH-8057 Zurich
www.zora.uzh.ch

Year: 2022

**«...В надежде отыскать золотое руно»: о некоторых ницшеанских подтекстах
в творчестве «аргонавтов»: Андрей Белый и Эллис**

Burenina-Petrova, Olga

Other titles: "...In hope to find the golden fleece": on some nietzschean subtexts in the works of "Argonauts"
Andrei Bely and Ellis)

Posted at the Zurich Open Repository and Archive, University of Zurich

ZORA URL: <https://doi.org/10.5167/uzh-225185>

Conference or Workshop Item

Published Version

Originally published at:

Burenina-Petrova, Olga (2022). «...В надежде отыскать золотое руно»: о некоторых ницшеанских подтекстах в творчестве «аргонавтов»: Андрей Белый и Эллис. In: IX International Scientific and Practical Conference «Actual problems of Science and Education in the context of global changes», Almaty, 17 November 2022 - 18 November 2022. Kazakh Ablai Khan University, 314-318.

СЕКЦИЯ 4. ФИЛОЛОГИЯ МЕН ЛИНГВИСТИКАНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ, ӘЛЕМ ХАЛЫҚТАРЫ
САЛАСЫНДАҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕР
СЕКЦИЯ 4. АКТУЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ, ИССЛЕДОВАНИЯ В
ОБЛАСТИ НАРОДОВ МИРА
SECTION 4. ACTUAL PROBLEMS OF PHILOLOGY AND LINGUISTICS, RESEARCH IN THE
FIELD OF PEOPLES OF THE WORLD

УДК 791.83

Буренина-Петрова О.Д.,
доктор филологических наук, научный сотрудник
Цюрихский университет
Цюрих, Швейцария
olga.burenina@access.uzh.ch

**«...В НАДЕЖДЕ ОТЫСКАТЬ ЗОЛОТОЕ РУНО»: О НЕКОТОРЫХ НИЦШЕАНСКИХ ПОДТЕКСТАХ В
ТВОРЧЕСТВЕ «АРГОНАВТОВ» АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ЭЛЛИС**

Аннотация: Данная статья посвящена некоторым интермедийным наблюдениями над рецепцией философских взглядов и элементов поэтики Фридриха Ницше двумя представителями московского кружка «аргонавтов» – младосимволистами Андреем Белым и Эллисом. Кроме того, в работе затрагивается ряд (анти)миметических параллелей между модулируемыми немецким философом, с одной стороны, и обоими «аргонавтами», с другой стороны, «текстами жизни».

Ключевые слова: Фридрих Ницше, Андрей Белый, Эллис, символизм, интермедийность

Burenina-Petrova O.D.,
Doctor of Philology, Researcher
Zurich University
Zurich, Switzerland
olga.burenina@access.uzh.ch

**"...IN HOPE TO FIND THE GOLDEN FLEECE": ON SOME NIETZSCHEAN SUBTEXTS IN THE WORKS
OF "ARGONAUTS" ANDREI BELY AND ELLIS)**

Abstract: This article is devoted to some intermedial observations on the reception of the philosophical views and elements of Friedrich Nietzsche's poetics by two representatives of the Moscow circle of "Argonauts" - the Young Symbolists Andrei Bely and Ellis. In addition, the work touches upon a number of (anti)mimetic parallels between the modulated by the German philosopher, on the one hand, and both "Argonauts", on the other hand, "texts of life".

Keywords: Friedrich Nietzsche, Andrei Bely, Ellis, symbolism, intermediality

Wer die Menschen einst fliegen lehrt, der hat alle Grenzsteine verrückt; alle Grenzsteine selber werden ihm in die Luft fliegen, die Erde wird er neu taufen –als „die Leichte“ (Fridrich Nietzsche „Also sprach Zarathustra“)
Resume: This article is devoted to some intermedial observations on the reception of the philosophical views and elements of Friedrich Nietzsche's poetics by two representatives of the Moscow circle of "Argonauts" - the Young Symbolists Andrei Bely and Ellis. In addition, the work touches upon a number of (anti)mimetic parallels between the modulated by the German philosopher, on the one hand, and both "Argonauts", on the other hand, "texts of life".
Keywords: Friedrich Nietzsche, Andrei Bely, Ellis, symbolism, intermediality
Задача теургов сложна. Они должны идти там, где остановился Ницше, – идти по воздуху (Андрей Белый «Символизм как миропонимание»)

1.

Интерес к философии Фридриха Ницше со стороны русской читающей публики обозначился к концу XIX века. Одним из факторов этого интереса была связь немецкого философа с русской литературой. На протяжении долгих лет Ницше глубоко интересовался творчеством Достоевского, Толстого, Тургенева, Пушкина, Гоголя. В его личных архивах Ницше сохранилось немало книг русских «классиков». Неслучайно впечатления, произведенные книгами Ницше, переплетались у немецкой читающей публики с впечатлениями, полученными от знакомства с русской литературой³. Для русского же читателя этическая проблематика, волновавшая Ницше, перекричалась с духовными исканиями Толстого, Достоевского, Гоголя⁴. Разумеется, включение Ницше в круг проблем, волновавших русское общество на рубеже веков, совершенно

---

³ См. об этом, к примеру, в книге: Nietzsche und die deutsche Literatur / Hrsg. von. B. Hillebrand. München, 1978, band1. S. 298.

⁴ См. Clowes E. W. The revolution of Moral Consciousness: Nietzsche in Russian Literature, 1890-1914. Northern Illinois Univ.Press,1988; Nietzsche in Russia / Ed. by B.G. Rosental. Princenton Univ. Press,1986.Szilard M. Nietzsche in Rußland // Deutsche Studien : Vierteljahreshefte. Hamburg, 1974. H. 46. S.159-163.

не означало единодушного принятия всех положений его философского учения. Имя Ницше стало на рубеже двух веком предметом бурных дискуссий.

Существенный вклад в процесс интерпретации и рецепции философских взглядов Ницше внесли представители русского символизма. Не случайно понятия «ницшеанец» и «символист» воспринимались некоторое время как звенья единого синонимического ряда. В поисках «своего», «русского Ницше» мыслители символизма выстраивали самые неожиданные философские параллели: Достоевский – Ницше (Лев Шестов), Розанов – Ницше (Дмитрий Мережковский), Лермонтов – Ницше (Владимир Соловьев). На страницах «Северного вестника» обсуждались ницшеанские идеи взаимосвязи искусства и жизни, а в символистских изданиях, например, в «Мире искусства» и «Весах» разрабатывалась новая концепция культуры с четким ориентиром на философско-культурологическую модель Ницше.

Рецепция Ницше символистами была избирательной: «русский Ницше» не всегда подходил на свой «немецкий оригинал». Аким Волынский, например, объяснял суть концепции Ницше в приближении к божеству через отрешение индивида от собственной ограниченности [1, с.240]. Николай Минский трансформировал ницшеанскую критику морали в теорию мэонизма, объявив «ничто» главным смыслом бытия [2, с.237]. Рефлексии над «дионисийством» позволили Дмитрию Мережковскому выстроить философскую концепцию обновленного христианства. Владимир Соловьев, размышляя над теорией Ницше о кризисе культуры, усматривал симптом этого кризиса непосредственно в философских построениях самого Ницше.

О влиянии немецкого философа на эпоху русского символизма написано достаточно работ, поэтому я ограничусь лишь некоторыми интермедияльными наблюдениями над рецепцией немецкого философа московским кружком «аргонавтов» (1903-1910), включавшим вместе с его создателем Андреем Белым поэтов Льва Кобылинского (он писал под литературным псевдонимом Эллис) и Сергея Соловьева, а также целый ряд молодых деятелей культуры, среди которых – братья Метнеры, Алексей Петровский, Николай Кисилев и др.

Название своего кружка они заимствовали не столько из мифа о Ясоне и золотом руно, сколько из «Веселой науки» Ницше, охарактеризовавшего в ней тех, кто стремится к переоценке всех ценностей «аргонавтами идеала». Кстати, в 1906 г. в Москве под редакцией Н.П. Рябушинского стал выходить ежемесячный художественно-литературный журнал «Золотое руно». На его страницах «аргонавты» и другие символисты в духе Ницше размышляли о творческом процессе как мистерии, «соборности», «мистическом анархизме». Позже Эллис уравнивает ницшеанский нигилизм с символистским «жизнестроительством»:

«Читай лишь свою жизнь и из нее понимай иероглифы жизни в целом» ... Разве последние слова Ницше не являются самой прекрасной формулировкой именно того великого целого, которое мы называем символизмом как мирозерцанием [3, с.42].

Именно «как путешествие сквозь Ницше в надежде отыскать золотое руно» [4, с.590] трактовало свою миссию московское объединение «аргонавтов», ключевыми фигурами которого были два поэта: Андрей Белый и Эллис.

2.

Начало интереса Андрея Белого к работам Ницше относится к концу 1890-х гг., вероятно, в первую очередь, благодаря знакомству поэта с публикациями переводных исследований по философии Ницше, например, Лу Андреас-Саломэ, Алоиза Рия, Людвиг Штейна, Георга Зиммеля, Анри Лихтенберже, Макса Нордау, а также чтении ряда популяризаторских и философско-критических работ о Ницше, в первую очередь, «Фридрих Ницше, критика морали альтруизма» (1892) Василия Преображенского, «Еще о Ницше» (1894) Николая Михайловского, «Идея сверхчеловека» Владимира Соловьева.⁵ Позже, в 1918 г., в стихотворном посвящении немецкому писателю, поэту и переводчику Христиану Моргенштерну Белый так обрисовал сущность своих философских воззрений:

Взлетаем над обманами песков,
Блистаем над туманами пустыни...
Антропософия, Владимир Соловьев
И Фридрих Ницше – связаны: отныне...⁶

По словам Белого, он прочитал Ницше в оригинале только в 1902 году. Отдельные немногие переводы произведений немецкого философа на русский язык стали появляться в журналах с 1894 года, а фрагменты из трактата «Так говорил Заратустра» в переводе Юлия Антоновского выходят в 1898 г. в приложении к «Новому журналу иностранной литературы». Перевод «Заратустры» Антоновского до сегодняшнего времени считается непревзойденными по смысловой и поэтической точности. Первое собрание сочинений Ницше на русском языке появилось в 1900 г. в восьми томах под общей редакцией философа Александра Введенского. Второе собрание сочинений начинает издаваться в 1909 г. уже при сотрудничестве самого Белого.

⁵ Подробнее о рецепции и восприятии немецкого философа в русской культурной традиции конца XIX-начала XX века см. в сборнике: Ницше: Pro et contra – Антология. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. Представленные в сборнике 25 работ российских философов и писателей рубежа веков были хорошо знакомы Андрею Белому и его творческим единомышленникам.

⁶ Христиан Моргенштерн являлся, подобно Ницше, важной фигурой для символистов. В журнале «Весы», выходившем при участии Андрея Белого, о Моргенштерне много писалось в обзорах новинок немецкой литературы, а в 1907 году из журнала «Das litterarische Echo» был перепечатан отклик на сборник его стихотворений «Меланхолия» (1906).

Совершенно очевидно, что первоначальное представление о нищезанстве Белый получает из чтения критической литературы, а также благодаря общению со своими друзьями, например, с Эмилием и Николаем Метнером⁷ и с «нищезанцем» Львом Кобылинским – Эллисом, с которым Белого в 1901 г. познакомил Сергей Соловьев. Эллис был не только «душою кружка – толкачом-агитатором, пропагандистом» [5, с.178], но и, возможно, некоторое время предметом любви Белого [6]. В период знакомства с Белым он уже владел немецким языком и читал немецкие первоисточники. Знание немецкого позволило ему в 1910 г. сопровождать антропософа Рудольфа Штейнера в поездке по Европе, а затем жить в Берлине, Штуттгарте, Базеле, писать по-немецки литературно-философские сочинения. Позже Эллис переехал в Швейцарию и прожил в ней двадцать восемь лет до конца жизни.

Белый и Эллис считали себя последователями Ницше, «вплоть до жестов его биографии и до трагической его судьбы» [7, с.435]. Оба усматривали в себе психофизическое сходство с немецким философом, начиная с болезненности и заканчивая обостренной чувствительностью. Мессианские устремления (Белый открыто называл себя пророком, а Эллис держался «как пророк»), приводили к ссорам, скандалам, дуэлям. По свидетельству Даниэля Галеви, Ницше в свое время также участвовал в дуэли и «получил удар папирой».⁸ Показательно, что Ницше неоднократно постулировал феномен «дружбы-вражды»: „Will man einen Freund haben, so muß man auch für ihn Krieg führen wollen: und um Krieg zu führen, muß man Feind sein können“ [8, с.45]; „Der Mensch der Erkenntnis muß nicht nur seine Feinde lieben, er muß auch seine Freunde hassen können“ [9, с.514].

Биография философа становится подтекстом моделируемого Белым и Эллисом «текста жизни» [10, с.134-141], а Ницше – «творцом жизненных образов» [7, с.435], которые проецируются на уровне поведения, имиджа, «жизненного ритма личности» [11, с.192]:

Zarathustra der Tänzer, Zarathustra der Leichte, der mit den Flügeln winkt, ein Flugbereiter, allen Vögeln zuwinkend, bereit und fertig, ein Selig-Leichtfertiger:

– Zarathustra der Wahrsager, Zarathustra der Wahrlacher, kein Ungeduldiger, kein Unbedingter, einer, der Sprünge und Seitensprünge liebt; ich selber setze mir diese Krone auf! [8, с.226].

Нищезанский «танец телом», «танец головой» – инструмент познания истины. Зинаида Гиппиус писала:

Боря Бугаев, – весь легкий, легкий, как пух собственных волос в юности, – он танцуя перелетит, кажется, всякие «тарары». Ему точно предназначено их пролетать, над ними танцевать, туда, сюда... направо, налево... вверх, вниз... [12, с.83].

Белый утверждает, что «вся культура выросла из песен и плясок» [13, с.173], поэтому он в прямом смысле протанцовывал декламацию своих стихов во время поэтических чтений и творческих выступлений. Марина Цветаева вспоминает Белого как «что-то летящее, разлетающееся», Белый – «обтанцовывающий черную доску», «с танцующей спиной», «танцующий перед Гете и Штейнером, как некогда Давид перед ковчегом» [14, с. 457-458]. Эллис был Белому под стать. Марина Цветаева писала, что Эллис копировал «беловские жесты», отмечала его «подвлянность», «сродство» с Белым [14, с.468]. В свою очередь, Белый сравнивал движения Эллиса с танцем-тиком:

Вот он с нервными тиками (плечо дергалось), точно в танце, легчайше юркнул мимо нас... [11, с.44].

Более того, движения Эллиса, в описании Белого, воплощение визуальной фактуры разных медиа:

Мне – жутко: в великолепных, припадочных пародиях, подвинчивая себя музыкой, изображал он что угодно; мать, бывало, садилась играть ему кинематографический вальс; он изображал, как бы протанцевали вальс - меньшевик, эсер, юнкер, еврей, армянин, правовед, Брюсов, Батюшков, князь Трубецкой, передавая движением дрожанье экрана кино; и до Чаплина, Чарли, явил собою – Чаплина, Чарли; импровизации переходили в дичайшую пляску: вертелся, как дервиш.

Раз собрались у меня: Шпет, Балтрушайтис, художник Феофилакт, Ликиардопуло; отодвинули стол, усадили мать за рояль; Эллис ринулся в верч; не прошло и трех минут, – как уже завертелись [...]

Отправились с Эллисом раз в летний сад; сели около сцены; грянула музыка: явился негр; увидев его, Эллис прыгнул на сцену (не успели схватить за фалды); отстранив негра, пустился за негра по сцене выплясывать... [11, с.60].

Образность Эллиса в трактовке Белого недоступна пониманию обыденного сознания и близка только душам единомышленников. Описывая своего товарища, Белый, по сути, описывал себя самого:

В молодости он любил танцы и хорошо плясал ползунка. Даже в 1932 году, как-то развеселившись, он «тряхнул стариной» и пустился вприсядку. Порой находил на него особый задор, и он принимался показывать всевозможных зверей, подражая их типичным движениям и мимике. Один за другим появлялись: барсук, слон, ленивец, медведь, маргышка, белочка, заяц, кот, собака и др. Это делалось молниеносно, с такой поразительной быстротой, что я не успевала опомниться.⁹

⁷ Позже Николай Метнер создал музыкальные вокальные сочинения, как на стихи Андрея Белого (1907), так и на стихи Ницше «Три стихотворения Ф.Ницше для голоса с фортепиано» (1907-1909) и «Два стихотворения Ф.Ницше для голоса с фортепиано» (1910-1911).

⁸ Даниэль Галеви. Жизнь Фридриха Ницше / В переводе А.Н. Ильинского. Москва: Наука, 1992, 29.

⁹ К.Н. Бугаева. Воспоминания о Белом. Berkeley: Berkeley Slavic Specialities, 1981, 68.

Жизнь воспринимается Белым и Эллисом как эстетический феномен и одновременно как мистическое дионисийское действо:

Одинаковость опьянения, устанавливающая круговорот душевных вспышек, вот начало действия [...] Вихревой круговорот отдельных переживаний, пронизанных друг другом и смятых музыкой в пурпурное дионисическое пламя, возносящее зажженных в сапфирную чашу небес, – не должен ли такой круговорот создать и обряды кругового действия, хороводы, пляски, песни? [15, с.132-133].

3.

Ницшеанское творческое безумие, оппозит рационального, сократовского мира, моделирует поведение Белого и Эллиса. Белый называет Ницше не безумным, а «уплывшим», характеризуя его философию как как провиденциальность, высвобождение от власти эмпирического мира, что порождает в творчестве поэтов особый метаязык, а в их жизнетворчестве – яркие «арлекинады» и шутовство [5, с.57] По

Образ немецкого философа обернулся для молодых «аргонавтов» бесконечной игрой в Ницше. Эллис сравнивал Белого, а Белый Эллиса – с Ницше. Каждый из них входил в образ своего придуманного Ницше, вплоть до черт внешнего сходства (усы Белого «под Ницше»). Безумие как оппозит систематизированного мышления сквозной мотив и ранней лирики Белого («Вечный зов», «Безумец», «Менуэт», цикл «Безумие»). Таким образом, фигура и творчество Ницше влияют изоморфизм «текста жизни» и порождаемых им вторичных текстов. При этом, Ницше стал восприниматься и как реальный субъект, находящийся среди них самих:

Кобылинские, появлясь к Соловьевым впервые, ткнув хозяевам руки, себя перебили, сцепясь в долгом споре; вдруг звонок; что-то затопало в переднюю ботинками; братец Лев произнес: «Ницше» [11, с.106].

Иллюзия постоянного присутствия Ницше продолжалась у Белого и в период создания сборника «Арабески» (1911) :

Представляю себе где-нибудь на улице изящный застывший силуэт, белое высоко поднятое лицо с мягкими белокурыми усами, в белом цилиндре, глубокий взор, детский, побитый кошачьей мягкостью, как туманом, в котором могла бы сверкать стрела тигриной ярости. Представляю себе руку, обтянутую перчаткой, сжимающую красный, сафьяновый портфель, – силуэт, как видение, скользящий среди улиц.

Вот на той стороне бегут два студента и почтительно снимают свои шапочки, а он, спохватившись, точно очнувшись от сна, с какой-то вкрадчивой учтивостью приподымает свой белый цилиндр. Один прохожий говорит другому: „Herr professor Nietzsche!“ [15, с.134].

При внимательном прочтении фрагмента можно заметить, однако, что перед нами – автопортрет самого Белого. Ницше становится фантастическим героем литературных произведений молодых символистов. Эллис посвящает ему цикл сонетов, обращаясь к философу, как своему современнику. При этом один из «Сонетов» «К Ф. Ницше» сопровождается эпиграфом из пушкинского стихотворения «Поэт и толпа» (О чем бренчит? чему нас учит?// Зачем сердца волнует, мучит, //Как своенравный чародей?):

И сам, как полубог, главою ты вознесся
До утренней звезды... но вот исчез туман,
Ты глянул в дольный мир... увидел и сотрясся!
И застонал, и пал, раздробленный титан!

Белый вводит Ницше в ткань абсурдистского повествования на первых страницах «Симфонии»:

3. Перед книжным магазином стояла пара рысаков. На козлах сидел потный кучер с величавым лицом, черными усами и нависшими бровями.
4. Это был как бы второй Ницше.
5. Из магазина выскочила толстая свинья с пяточковым носом и в изящном пальто.
6. Она хрюкнула, увидев хорошенькую даму, и лениво вскочила в экипаж.
7. Ницше тронул поводья, и свинья, везомая рысаками, отирала пот, выступивший на лбу.

Характерно, что рядом с Ницше в «Симфонии» Белого возникает и образ философа Макса Нордау. Нордау в трактате «Вырождение» резко критиковал Ницше, наряду с Оскаром Уайльдом, Рихардом Вагнером, генриком Ибсенем, объявив их предствителями искусства «упадка». Белый полемизирует с Нордау, создав комический образ оппонента Ницше:

1. В тот час прикатил курьерский поезд. Из купе первого класса выскочил Макс Нордау.
2. Грозный Нордау оглядывал дебаркадер, бормоча еще слышно: „Die alte Moskau“.
3. Кругом бежали люди с чемоданами, а паровоз, как безумный, свистел.
4. А уже откуда-то издали неслось дикое гамканье московских извозчиков: „Со мной, барин, со мной! Вот извозчик!..“
5. И Нордау недоумевал.

Ницше должен был стать и одним из героев утерянной поэмы Белого «Дитя-Солнце». Однако, судя по воспоминаниям, эта поэма представляла собой, скорее, пародию на символизм и его кумиров:

... ее сюжет – космогония, по Жан-Поль Рихтеру, опрокинутая в фарс швейцарского городка, которого жители разыгрывают пародию на борьбу сил солнца с подземными недрами; вмешан профессор Ницше, – в усилиях заставить некоего лейтенанта Тромпетера наставить рога лаборанту Флинте, чтобы от этого сочетания жены лаборанта с Тромпетером родился младенец, из которого Ницше хотел сделать сверхчеловека; но рыжебородый праотец Флинте вылезает из недр; он борется с Ницше; когда вырастает младенец, то он, снявши шкуру, подстригшись, надевши очки, нанимается, неузнанный, в гувернеры и похищает в горы младенца, чтобы в горных пещерах по-своему его перевоспитать... [4, с.22].¹⁰

По словам Белого, он пишет о Ницше столько же, сколько пишет о себе самом [7, с.196], а его ранняя лирика содержит множество реминисценций на трактаты философа. Эллис, перебравшись после революции в Германию, а затем в Швейцарию, большого письменного наследия на русском языке не оставил. Однако его работы, созданные на немецком языке (при этом практически не опубликованные) вполне вероятно продолжали за границей диалог и одновременно полемику с немецким философом. Так или иначе, работы Ницше оказались для обоих поэтов не только связующим их духовным звеном, но путешествием за «золотым руном» творческого озарения, вдохновения и познания. Это путешествие продолжалось для них всю жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волынский А. Аполлон и Дионис // Северный вестник. 1896, №11.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. Москва, 1994.
3. Эллис. Русские символисты. Москва, 1911.
4. Белый А. Между двух революций, Москва, 1990.
5. Белый А. Воспоминания о Блоке // Эпопея, 1922, №1.
6. Ljunggreen M. The Dream of Rebirth. Stockholm, 1982.
7. Белый А. На рубеже двух столетий, Москва, 1989.
8. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. München, 1972.
9. Nietzsche F. Ecce Homo// Werke III. Frankfurt/ Main/ Berlin/ Wien, 1984.
10. Минц З.Г. Понятие текста и символистская эстетика // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1 (5). Тарту, 1974.
11. Белый А. Начало века, Москва, 1990.
12. Гишпиус З. Живые лица // Воспоминания об Андрее Белом. Москва, 1995.
13. Белый А. Символизм как миропонимание. // Мир искусства, 1904, № 5.
14. Цветаева М. Пленный дух // Цветаева М. Проза, Москва, 1989.
15. Белый А. Арабески. Книга статей. Москва, 1911

УДК 81/ 373

Дәркенбаева Ж.Қ.

қазақ филологиясы кафедрасының доценті, ф.ғ.к.

Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ

Алматы, Қазақстан

e-mail: zhaidargul.d@mail.ru

Аққожина Б.Қ.

қазақ филологиясы кафедрасының қауым. профессоры, ф.ғ.к.

Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ

Алматы, Қазақстан

e-mail: bayan-kanatovna@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕРДІҢ ЗАТТЫҚ МАҒЫНАЛЫ, СЫН ЕСІМ ЖӘНЕ ЕТІСТІК МӘНДІ ОРАЛЫМЫ

Түйін: Бұл мақалада фразеологизмдердің заттық мағыналы, сын есім және етістік мәнді оралымы қарастырылды. Фразеологизмдердің мағынасы қоршаған ортасымен, айналасындағы сөздермен байланысты болып келеді. Оралым фразеологизм мағынасына әсер етеді және көп мағыналы фразеологизмдер оралым негізінде туындайды. Осы мақаладан фразеологизмдердің көп мағыналылығы мен синонимдерінің пайда болуы оралымға негізделетінін байқауымызға болады.

Тірек сөздер: оралым, фразеологизм, мағына, көп мағыналылық, сөз таптары, тіркесімділік, зат есім, сын есім, етістік, деректі зат есім, дерексіз зат есім.

¹⁰ Белый в письме к Иванову-Разумнику от 1-3 марта 1927 г. указывал: «...„дитя-Солнце” должно было повиснуть где-то над миром не евангельским Логосом, а риккертским Логосом и которого отец, лейтенант „Тромпетер”, есть нарочито опереточная фигура, а пророк которого, выведенный в поэме, – есть базельский профессор Ницше...» (цит. по: Белый, МДР, 451). Метнер пишет в мемуарных заметках: «Вспоминаю, как 12 лет тому назад (в 1906 г.) мы сидели тесным кружком в очаровательной маленькой столовой (...) Андрей Белый читал свое новое произведение, рукопись которого он впоследствии безвозвратно утерел (...) Участвовал там и Ницше с красным портфелем. Один этот портфель и сохранился у меня в памяти от образа базельского профессора (...)» (цит. по: Белый, МДР, 451).